18+

Владо Орао

Письма из Правды

Владо Орао

Письма из Правды

«Издательские решения»

Орао В.

Письма из Правды / В. Орао — «Издательские решения»,

У каждого человека есть своя Правда. Но где её искать — в прошлом, в памяти близких или в самом себе? Владо Орао приглашает читателя в путешествие по страницам жизни, где судьбы родных переплетаются с историями земляков и случайных встречных, смешное соседствует с тревожным, а привычное оборачивается необъяснимым. Это книга о корнях, связи поколений и людях, которые остаются частью нашей жизни, даже когда исчезают за линией нашего горизонта.

© Орао В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Дисклеймер 7
Почему 8
ПИСЬМА ИЗ ПРАВДЫ 10
Сны 11
«Бабушка» 13
«Человек и Шум» 15
«Про 16
«Лучше 18
«Только 23
Регрессии 24
«Отец, Альпы и сестра» 26
Картинка первая 26
Картинка вторая 26
Картинка третья 27
Картинка четвёртая 27
Картинка пятая 28
«Род» 30
«Мой отец 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Письма из Правды

Владо Орао

Дизайнер обложки Олег Лубски
Концепция, литературная редакция, корректура и иллюстрации Олег Лубски
Фотография Владо Орао

© Владо Орао, 2026
© Олег Лубски, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6612-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Никогда раньше не думал, что попробую написать книгу.

Да, я писал стихи и их записывал, к сожалению, некоторые совсем мои любимые утеряны, и я помню только их отрывки.

После этих потерь я начал все скрупулезно записывать, я про стихи. Но я никогда не записывал истории из жизни. Периодически фиксировал текстом лишь свои яркие сны.

Честно признаюсь: если мне и снились сны, то всегда цветные, такие насыщенные, как маленькие фильмы. Но я периодически по жизни рассказывал истории другим людям и в какой-то момент один из моих друзей сказал, что хорошо бы мне все эти истории изложить в книге.

Я сначала не придал этому значение, даже как-то застеснялся, ведь для меня книга — это что-то грандиозное, великих писателей, а я кто, что-то вспомнил, что-то рассказал, никогда не был обучен этому делу и, соответственно, не имею права даже рядом стоять с «великими».

Но с каждым днём эта идея меня заманивала, я взял блокнот и взялся за дело, я писал первые истории несколько часов подряд без остановки, из меня лилась информация. Описывая те или иные ситуации, я заново проживал эти эпизоды, уже по-другому, через призму возраста, под другим углом. Меня это затянуло, и это правда интересно. И самое важное, что я понял: это ещё и полезно.

Я уверен, что все, кто прочитает эту книгу, вспомнят свои жизненные истории, кто-то, возможно, переосмыслит их, ведь мы не любим самоиронию и часто стесняемся говорить про себя неудобную правду, а это, друзья мои, нужно обязательно делать. Мы не роботы, а люди, мы живые и мы такие, какие мы есть.

Поэтому всем — приятного чтения. Оставайтесь собой, оставайтесь людьми!

Дисклеймер

Эта книга создана на основе личных воспоминаний, снов, фантазий и размышлений. Память избирательна: она сохраняет впечатления, меняет подробности и порой соединяет события, разделённые годами. Поэтому изложенное здесь следует воспринимать как художественную прозу, отражающую личный взгляд автора.

Персонажи представлены в авторском осмыслении, а диалоги и обстоятельства могут быть реконструированы или художественно переосмыслены. Имена, прозвища и отдельные черты сами по себе не означают, что литературный персонаж во всём соответствует конкретному человеку.

Автор не стремился составить документальную хронику, дать кому-либо окончательную оценку или задеть чьё-либо достоинство. Его цель — сохранить образы людей, времени и мест такими, какими они остались в его внутреннем мире.

Почему книга устроена именно так

Когда я начал собирать все эти истории вместе, сначала мне казалось, что проще всего расположить их . Детство, школа, молодость, взрослая жизнь. Наверное, так обычно и пишут воспоминания.

Но потом я понял, что у меня так не получается.

Я вспоминаю свою жизнь не по календарю. Не бывает такого, что сегодня я решил вспомнить себя в восемь лет, завтра — в двенадцать, а послезавтра — в девятнадцать. Что-то вдруг приснится. Что-то всплывёт из детства. Иногда какая-нибудь совершенно обычная вещь вытаскивает из памяти человека или событие, о котором я много лет не думал. А иногда начинаешь вспоминать одно и неожиданно приходишь совсем к другому.

Поэтому и книга получилась не по годам, а немного по-другому.

Сначала идут **«Сны»**.

Сны вообще странная штука. Пока спишь, всё кажется настоящим. Ты можешь разговаривать с человеком, которого давно нет, оказаться на войне или увидеть какое-то существо в лесу — и в этот момент совершенно не удивляться происходящему. А просыпаешься и начинаешь думать: почему мне приснилось именно это? Откуда оно взялось? Наверное, поэтому со снов мне и захотелось начать. Там ещё нет объяснений. Там просто что-то происходит внутри тебя.

Потом идут **«Регрессии»**.

Для меня они чем-то похожи на сны, только в них ты уже сам пытаешься идти назад и смотреть, что там находится. Иногда видишь вещи, которые понимаешь. Иногда такие, которые объяснить не можешь. Можно по-разному относиться к регрессиям и вообще спорить, что в них настоящее, а что создаёт наше сознание. Я и сам не на всё могу ответить. Но для этой книги важнее другое. Те образы и ощущения, которые приходили ко мне во время регрессий, тоже стали частью моего опыта. Я их чувствовал и запомнил. А рядом с ними в этом разделе есть два художественно переосмысленных воспоминания — об этом чуть дальше.

После этого идут **«Воспоминания»**.

Вот здесь земля уже гораздо твёрже. Деревня, родители, дед, корова Дочка, рыбалка, больница, футбол, разные смешные и не очень смешные случаи. Всё то, что действительно происходило со мной и из чего, наверное, постепенно получился сегодняшний я.

Когда вспоминаешь детство, многое теперь выглядит совсем иначе. То, что тогда казалось катастрофой, сегодня может вызвать улыбку. А какая-нибудь мелочь, которой в детстве вообще не придавал значения, через тридцать лет вдруг оказывается очень важной. Наверное, поэтому последняя часть книги называется:

«Размышления».

Мне уже недостаточно просто сказать: со мной произошла такая история. Хочется понять — и что? Что она во мне оставила? Чему научила? Почему я до сих пор её помню? Что сегодня сделал бы иначе, а что повторил бы точно так же?

Возможно, через несколько лет на некоторые вещи я опять посмотрю по-другому. Это нормально. Человек меняется, а вместе с ним меняется и его отношение к собственному прошлому. Поэтому эти четыре части для меня теперь выглядят как одна дорога:

сны — регрессии — воспоминания — размышления.

Сначала что-то приходит к тебе само.
Потом ты пытаешься заглянуть глубже.
Потом вспоминаешь, как всё происходило на самом деле.
А потом стараешься понять, что всё это для тебя значит.

И ещё кое-что хочу пояснить.

В этой книге есть три текста, которым я придал другую форму: «Мой отец и немного про маму и меня», «На снегу» и «Лучше не читать и забыть это». Их основа — мои реальные воспоминания. Но первые два здесь написаны как внутреннее погружение в прошлое, а третий — как сон.

Это литературный приём. Я не утверждаю, что именно такой сон мне приснился или что именно так проходил сеанс регрессии.

Для меня было важно передать, как эти события остались во мне: что до сих пор тревожит, к чему хочется вернуться, что теперь видится иначе. Поэтому в этих трёх историях появились воображаемые образы и переходы. Жизненная основа у них настоящая, а форма рассказа позволяет мне заново к ней обратиться. Об этом и предупреждаю заранее, чтобы вы понимали, что читаете.

Наверное,…

ПИСЬМА ИЗ ПРАВДЫ

…именно так эту книгу и стоит читать. Не как мою биографию по годам, а как попытку собрать себя из того, что мне приснилось, что я почувствовал, что со мной произошло и что я обо всём этом думаю сегодня.

Сны

«Тучка»

А кто сказал, что тучка плохо?
А кто сказал, что дождик льёт?
Вы посмотрите в небеса немного.
Как там изящно тученька плывёт!

Она против плохого настроения!
Она не хочет, чтоб грустили мы…
Она лишь выполняет порученья
И дарит жизнь живому всей земли.

Ведь без неё нам будет плохо…
Ведь без неё завянут все цветы.
И в завершение моего итога…
В плохой погоде нет тученьки вины.

«Бабушка»

Я открываю дверь на Соколе и вхожу в квартиру. Немного прошёлся и понимаю, что не работает свет, всё чёрно-белое, и эта «серость» немного пугает. Дома никого, кроме меня, нет. Ощущение, что я не сплю, и всё происходит наяву, я логически рассуждаю и всё осознаю.

Вернулся в коридор, подхожу к щитку и включаю автоматы. Квартира почти мгновенно наполняется красками, причём очень яркими. Это загорелся свет.

Я непроизвольно поворачиваюсь в сторону другого конца коридора. В этот момент из гостиной выходит «человек» — быстрым шагом в сторону кухни — и скрывается за углом. Я не увидел его лица, только спину, но чётко понимаю, что это мой дядя. Я бросаю ему вслед какую-то шутку, окрикиваю его, начинаю напевать какую-то весёлую песню и под неё двигаюсь в сторону кухни с ощущением, что я не один в квартире, и с осознанием, что это здорово.

Сделав пару шагов, я замечаю, как из-за угла выглянула бабушка и смотрит на меня. Причем только её голова смотрит на меня. С одной стороны, это неестественное положение немного пугает, а с другой стороны, меня это не смущает: «Ну она же здесь живёт». И я иду дальше по коридору.

По мере моего приближения к двери ванной бабушка спокойным шагом выходит из-за угла и теперь пристально смотрит в мою сторону.

Я вдруг останавливаюсь и тут же осознаю, что бабушки-то уже нет с нами, она умерла, и мне это снится.

Начитавшись в детстве сонников, я хорошо помню с тех пор (причём вспомнил про сонники во сне), что покойники снятся по разным причинам… Но иногда они приходят за «кем-то», и ни в коем случае не нужно идти за ними, если они зовут тебя или тянут руку. К слову, так было пару раз с моим отцом во снах (после его смерти), и я всегда отказывался.

Эта мысль меня начинает накрывать, я решительно делаю шаг в сторону своей бабушки, чтобы она «исчезла» из сна — так я раньше делал, и они обычно уходили. Но бабушка не сдавалась, стояла словно новая стена в коридоре, так ей не хотелось уходить. Я подхожу к ней уже почти вплотную и, не зная почему, начинаю креститься… Не на себе, а на ней, ровно три раза, приговаривая: «Чур меня!», чтобы она ушла.

Но она не уходит, и я дико пугаюсь — ведь такого исхода ещё не встречалось в моих снах…

Мы стоим и смотрим друг на друга, не сдавая позиций. Я до сих пор помню, как не во сне: моя бабушка хорошо одета, молчит, в её поведении и взгляде не чувствуется какой-либо злости или агрессии. Всё как-то смиренно.

Но я всё равно был очень напуган.

Я делаю ещё один шаг в её сторону. И тут она идёт к двери на кухню… Мы заходим с нею туда почти след в след.

На кухне светло, и я замечаю или догадываюсь, что она перед этим что-то приготовила поесть.

В этот момент из туалета вылетает «человек». Я опять не вижу его лица, но логически вычисляю, что это мой дядя. А он снова скрывается за углом, только в обратном направлении.

Я постоял немного на кухне, бесцельно. Бабушка была всё время рядом. Это всё вместе вызвало дикий страх, меня затрясло, и я проснулся.

«Человек и Шум»

Мне сегодня сон снился, а точнее, серия снов… Но я опишу один, пока свежи воспоминания.

Представьте фильм-короткометражку. Название фильма-сна — «Человек и Шум».

Да. Так прямо во сне и назывался шум — большими заглавными буквами.

Лето, лес, большой загородный особняк. Вроде всё цветное, но в то же время всё как будто в дымке, немного затуманено.

К особняку на красивой машине подъезжает мужчина средних лет, на вид статусно и богато одет. Из машины раздаются громкие басы музыки. Мужчина, не глуша музыку, выходит с водительского места и двигается в направлении своей семьи. Те радостно его встречают с улыбками на лицах.

Далее — резкая смена плана — моё сновидение сосредотачивается на автомобиле. И далее мой взгляд, словно кинокамера, подхватывает громкие звуки музыки и под них начинает нестись сам и нести эту звуки вглубь леса, сквозь деревья и кусты…

До тех пор, пока музыка как нечто материализованное не ударяется в другое «нечто» — эдакую смесь лешего с домовым.

Во сне мне было очевидно понятно: его зовут Шум, и он не рад влетевшей в него громкой музыке, и всячески готов как-то поквитаться с этими звуками и с тем человеком, который её, эту музыку, создал. Как будто Шум твёрдо знал, что композитором был человек.

Озлобившись и оскалившись, Шум атакует музыку.

Снова резкая смена плана — на семью… С неё кинокамера резко уходит ввысь…

Всё… фильм без явного финала, но ощущения жуткие…

«Про военное сражение»

Сегодня у нас на часах 21 марта 2026 года. Сон про войну.

Какое-то помещение, немного напоминает кинотеатр, но для одного человека. В этом помещении стоит огромный кожаный диван, и ещё есть панорамное окно почти во всю стену, и на нём демонстрируется какая-то подвижная картинка.

Я быстро осознаю, что это фильм. Прямо ощущение, что ты смотришь фильм. Фильм про войну. Большое панорамное военное действие. Много танков с двух сторон. Летают самолёты, наступает пехота. То тут, то там — военные машины и механизмы. Повсюду взрывы и так далее.

У меня стойкое ощущение, что наши победят. Или по-другому сформулирую — наши не могут проиграть.

Ты смотришь этот фильм. Напоминаю — во сне. Смотришь, как наши подбивают военную технику на стороне противника. Понимаешь, что это наши делают, мы уже побеждаем.

Эта картинка как бы тебя заманивает, затягивает внутрь.

Но… чем больше ты вникаешь в неё, чем больше ты всматриваешься в детали подвижного изображения, тем лучше ты понимаешь, что подрывается не их техника, техника врага, а наша техника. Наши начинают уступать. И теперь всё это как будто потихоньку переходит уже в другую историю.

Мы начинаем проигрывать сражение, а враг медленно наступает на наши позиции.

И сама картинка… Как будто это всё происходит на возвышенности, и пехота врага спускается по склону в твою зрительскую сторону. Они спускаются и спускаются, а техника наша уходит, горит, и люди наши погибают.

И вот огромная такая орда противника, спускающаяся с этой горы, подходит всё ближе. И чем ближе она подходит ко мне, тем больше у меня создаётся ощущение, что это не фильм. Что это наяву…

И во мне зарождается страх. Страх от того, что сейчас они доберутся и до меня. И осталось идти им метров сто-двести…

И вот они совсем приблизились. И тебе становится страшнее, ты уже видишь их лица. Видишь вот эти раздраженные, озлобленные лица, измазанные грязью и пороховой гарью, вот-вот они войдут к тебе в твой дом…

И ты начинаешь внезапно паниковать…

Ещё и оттого, что твой фильм-сон превратился в практически реальную реальность. Жуткое ощущение страха, жутчайшее от осознания, что ты сейчас умрешь, тебя убьют. Ведь они уже подобрались к твоему дому вплотную.

Или, может, это много домов?…

Не знаю. Потому что ты сидишь внутри помещения, и ты не знаешь, что есть ещё вокруг. Но ощущение, что они вот-вот зайдут к тебе в дверь без стука и ты погибнешь, сохраняется ровно до того мгновения, как сон этот страшный и странный обрывается с пробуждением.

«Лучше не читать и забыть это»

Стою на платформе. Лето, обычный день.

Мне надо в Москву на учёбу. Вокруг никого. Даже странно, обычно хоть кто-нибудь да едет. Я смотрю вдоль рельсов. Поезда по-прежнему нет.

За спиной посадка, дальше — деревня. Знакомая. До неё по факту километра два, но сейчас мне кажется, что гораздо больше. Я вроде только что вышел из дома, а как дошёл сюда, не помню.

На другой стороне у платформы стоит барак. Я никогда толком не знал, кто там жил, и подходить к этому строению желания не было. Сейчас почему-то засмотрелся именно на него. Вижу — окна тёмные, хотя солнце светит прямо в них. Отворачиваюсь. «Ну его нахрен. Мне на поезд надо», — подумал про себя.

Вдалеке появляется человек. «О, — думаю, — хоть не один поеду, а то стою здесь как неприкаянный».

Человек идёт не спеша, я ещё не могу разглядеть лицо, но походка кажется знакомой. И от этой знакомой походки мне вдруг становится не по себе. Вроде ничего не случилось, а я уже хочу, чтобы человек развернулся и ушёл.

«Не может быть!» — думаю про себя.

И сам себе отвечаю: «Может, Белый».

Я узнаю его раньше, чем вижу лицо. И сразу вспоминаю, почему никогда не хотел оставаться с ним один на один.

Он учился в нашей школе, немного младше меня. Замкнутый, злой какой-то. С ним особо не дружили, но и лишний раз не связывались. Про него разное говорили, и ничего хорошего я сейчас вспомнить не могу.

Смотрю во сне на него, а вокруг вдруг становится темнее. Только что было лето, теперь под ногами снег. И я даже не удивляюсь, просто знаю, что надо смотреть дальше.

Загорается стог.

Кто-то бегает, кричит, пытается тушить. Сухое сено полыхает так, что близко не подойти. А вокруг зима, блин! Именно зима. Меня накрывают переживания: «Где теперь взять корм для скотины? Его же в магазине на полке не купишь. Люди всё лето работали, косили, сушили, собирали. И вот оно горит!»

Рядом Белый. Сидит в кресле-качалке, курит и немного улыбается. Все вокруг мечутся, а он даже не встаёт. Смотрит на огонь так внимательно, будто ничего интереснее в жизни не видел.

И тут я вспоминаю разговоры о нём. Что это не первый пожар, после которого его видели поблизости. Что огонь его почему-то притягивал. Люди тогда говорили: «Пироман»[1]. Я ещё не очень понимал, что это значит. Но смотрю на его довольное лицо, и мне становится страшнее, чем от самого пожара.

Хочется крикнуть: «Эй, чего ты расселся?! Помог бы лучше!»

Но я уже знаю, кто поджёг.

Кто-то хватает Белого, в это время подбегает его мать. Тем временем какие-то люди заслоняют огонь, что-то говорят, а я перестаю их слышать. Вижу только, как у Белого двигаются губы.

Потом внезапно опять платформа. Лето. Снега нет, а запах горелого остался.

Белый всё ещё идёт ко мне.

«Почему так долго? Там же пройти всего ничего!» — внутри меня и вопрос, и возмущение. Я уже успел и узнать его, и вспомнить, и испугаться, а он всё приближается.

Надо бы уйти. Спуститься с платформы и обратно в деревню. Скажу, что забыл что-нибудь. Но тогда придётся идти ему навстречу. Я снова пускаюсь в рассуждения: «И вообще, чего я? Он же мне пока ничего не сделал».

Слово «пока» мне совсем не нравится.

Снова смотрю на барак. Теперь я вспомнил, что там произошло…

Когда-то о Белом говорили из-за пожаров. Потом разговоры стали совсем другими. В них появился старик, который жил в этом бараке. И история, после которой человека уже не вернуть.

Что там произошло на самом деле, я своими глазами не видел. Знаю только то, что рассказывали люди. Некоторые подробности лучше бы вообще никогда не слышать. Только ведь если услышал, обратно уже не выкинешь.

Белого потом посадили. А через какое-то время отпустили.

И вот он здесь.

Я засовываю руку в карман и нащупываю зажигалку. Обычная зажигалка, ничего особенного. Зажимаю её в кулаке. Почему-то мне кажется, что так будет лучше, если придётся драться. Вытащить руку уже не получается. Держу её в кармане и пытаюсь выглядеть спокойно.

Белый подходит.

— Здорово, Вован.

---

[1] Пироман — человек, страдающий пироманией, то есть психическим расстройством, при котором возникает непреодолимое, навязчивое влечение к совершению поджогов и наблюдению за огнём.

— Здорово.

Голос у меня вроде нормальный. Это хорошо. Внутри всё трясётся, а снаружи, надеюсь, не видно. Только сердце колотится так, будто я бежал сюда от самой деревни. Он стоит рядом и смотрит на меня. Я не знаю, куда деть глаза. На него смотреть не хочется, отворачиваться страшно. А ещё страшнее, что он, наверное, всё это замечает.

Смотрю куда-то мимо его плеча, на рельсы. Вопросы в башке мелькают, как вагоны скоростного поезда: «Где этот поезд? Только что вроде слышал, что идёт. Или показалось?»

И вдруг понимаю, что больше всего боюсь не того, что Белый сейчас что-нибудь сделает. А того, что я сам не выдержу и покажу ему свой страх.

Белый молчит.

Я чувствую, как зажигалка вдавливается в ладонь. Разжать бы пальцы немного, но не получается. В голове зачем-то крутится: «Главное, чтобы рука потом из кармана вышла». Вот ведь о чём думаешь в такие моменты.

Белый чуть наклоняет голову. Мне кажется, что сейчас что-то будет.

— Ну что, Вован, когда в футбол будем играть?

Я удивлённо смотрю на него.

— В футбол? — переспрашиваю.
— Ну да. Ты же нас всех собирал, помнишь? — Он улыбается. — Я давно не играл.

И тут за спиной Белого появляются наши ребята. Не подходят, не приезжают — просто они уже там. Стоят на поле, ждут. Кто-то ставит мяч на землю, кто-то кричит, чтобы я шёл скорее.

Я ведь и правда всех собирал. Бегал, звал, договаривался. Только что людей не найдёшь, а потом уже спорим, кто за кого играет.

Мне вдруг хочется туда. К ребятам, к мячу. Там всё понятно.

Белый ждёт ответа.

— Не в этот раз, — говорю. — Я сейчас в Москву, на учёбу. Как вернусь, поиграем.

Сказал и сам прислушиваюсь к своим словам. Вроде спокойно получилось. Даже почти как обычно.

— А ты тоже в Москву?

«Пожалуйста, только не в Москву», — думаю про себя.

— Не, в Венёв. По делам.

«В Венёв. Это минут пятнадцать. Всего пятнадцать минут, и он выйдет». От вычислений про себя мне становится немного легче.

Вдалеке наконец появляется поезд. Я вижу его и почему-то не слышу.

Поезд уже близко, а вокруг всё так же тихо. Ребят за спиной Белого больше нет. Поля тоже. Только посадка и этот барак.

Поезд останавливается. Я поднимаюсь в вагон, сажусь у окна. Белый заходит следом и садится неподалёку. Всё нормально.

Люди ездят на поездах, садятся на свободные места. Что тут такого? Только вот других людей в нашем вагоне нет. Я смотрю в окно. Сейчас поедем, до Венёва недалеко.

Платформа трогается, барак медленно уходит назад. «Ну всё, — думаю, — теперь просто посидеть немного».

Но через какое-то время он снова появляется за окном. Он, тот же барак. Я поворачиваю голову, провожаю его взглядом: «Как так? Мы же его уже проехали?!»

Смотрю на Белого. Он сидит спокойно, будто ничего не происходит.

«Может, это другой барак? Мало ли их возле железной дороги», — пытаюсь себя успокоить.

Потом опять платформа. Пустая, как была. И мне кажется, что там кто-то стоит, засунув руку в карман. Разглядеть не успеваю. Хочу посмотреть время, но рука всё ещё сжимает зажигалку. Пальцы уже болят. Я совсем забыл, что так и не отпустил её.

— Скоро Венёв? — спрашиваю.

Белый поворачивается ко мне.

— Так в футбол-то поиграем?
— Поиграем.

Он кивает, как будто именно это и хотел услышать.

Поезд начинает тормозить. Теперь я слышу и колёса, и стук, и как что-то дребезжит в вагоне. За окном станция. Венёв.

Белый встаёт.

— Давай, Вован.
— Давай.

Он выходит. Я сижу и смотрю на дверь. Жду, когда она закроется. Она не закрывается.

«Ну чего стоим-то? Все уже вышли!» Белого из окна не видно. «Может, ушёл. А может, стоит возле вагона. Сейчас вернётся, скажет, что передумал, поедет дальше».

Наконец дверь сдвигается. Поезд дёргается и начинает набирать ход. Я пробую вытащить руку из кармана. И… просыпаюсь.

Первые несколько секунд я не понимаю, где нахожусь. Поезда нет. Окна другого размера. Я дома. Рука сжата в кулак. Разгибаю пальцы — никакой зажигалки, конечно, нет. А ладонь болит, будто всю дорогу и правда держал её изо всех сил.

Лежу, смотрю в потолок. Вроде всё закончилось, можно попробовать дальше спать. Но закрывать глаза почему-то не хочется. В голове всё ещё слышится: «Ну что, Вован, когда в футбол будем играть?»

Обычный вопрос. Сколько раз мне его задавали. Но лучше бы сейчас не вспоминать, кто спросил на этот раз.

«Только не сегодня, папа»

Добавлю воспоминания про один сон, в котором отец звал меня с собой…

Мы с ним в чистом небе. Очень светло, немного плывут облака, отец строит лестницу в небо и потихоньку по ней взбирается вверх.

Непонятно, какой длины будет эта лестница и где будет её окончание, но по мере строительства отец поднимается по ней, периодически подавая руку мне, мол:

«Поднимайся за мной».

Сейчас отец улыбчив, жизнерадостен.
Обычно он таким не был в жизни, и сии обстоятельства меня сильно смущали в минуты этого сна.

Я продолжаю стоять у основания этой лестницы и не двигаюсь вверх, и не отхожу от неё.

Хорошо запомнил — с одной стороны, мне хочется подняться за отцом, не отказывая ему, а с другой стороны, я чётко понимаю, что нельзя этого делать.

Сон обрывается на таком моменте — отец в очередной раз оглядывается через плечо вниз, протягивает мне руку, но я снова проявляю нерешительность, что-то типа:

«Не сегодня, папа».

Регрессии

«Снег прошлого»

Снег кружится бестолково,
Тихо тает на руке.
Прошлое приходит снова —
То вблизи, то вдалеке.

Разбираюсь понемногу
В том, что память сберегла.
Не всегда видна дорога,
По которой жизнь вела.

«Отец, Альпы и сестра»

Я закрыл глаза и начал погружаться в воспоминания. Мне казалось, что я сразу увижу ту или иную картинку из детства, которая сразу же мне поможет.

Но это оказалось не так. Процесс занял почти два часа.

Картинка первая

Мне лет двенадцать. Я в своей деревне, возле дома. В моём детстве такие называли пристройкой или гаражом. Смотрю в сторону соседского дома, там жила тётя Миля.

На улице зима, . Я просто смотрю, не испытывая эмоций, как-то все нейтрально и даже смиренно, картинка при этом очень отчётливая.

В голове промелькнул набор мыслей и вопросов к самому себе: «А почему я здесь нахожусь? Ведь никого нет рядом, ничего не происходит. Странно как-то… Как это мне поможет?»

Перевожу взгляд себе на грудь и ниже подбородка вижу некий минитайфун красного цвета, бешеные вихри которого вдруг уносят меня в небо, прям в облака.

И вот я уже на небе, в белом плену облаков. Я не понимаю, почему я здесь и что должно произойти.

Немного побывав в этом месте, я снова спускаюсь на землю…

Картинка вторая

Мне снова лет двенадцать, и я в той же деревне. Стою в коридоре нашего дома, смотрю в сторону гостиной. Всё очень расплывчато, только контуры телевизора и силуэты предметов позволяют убедиться, что да, я точно в деревне и дома.

Я спокоен. Ни паники, ни радости, абсолютно ничего…

Неожиданно для себя начинаю рассуждать и что-то спрашивать у себя: «Почему я здесь? Что происходит? Вроде отец сидит на диване и смотрит телевизор, и вроде он трезвый. Я слышу маму на кухне — она что-то готовит. А сестра играет на полу в маленькой комнате. Точно, играет! И я её вижу, но ей года три—четыре, а мне двенадцать где-то, такого не может быть!»

Расплывчатость уходит, приходит фокус, и я начинаю видеть предметы более отчётливо.

На улице снова зима, но ясно. Новая волна вопросов и рассуждений: «Да, точно это сестра, она играет. Точно, мама на кухне готовит, вижу разделочную доску и нож. Это отец — сто процентов! Он смотрит телевизор, но вроде все спокойно, обычный день. Что это мне должно дать? Что я должен понять? Странно…»

Кручу головой, останавливаю блуждающий взгляд на отце. В этот момент он поворачивает голову в мою сторону, а его лицо разделяется на две части: одна половина смотрит теле-

визор, а другая — на меня. И эта вторая часть отцовского лица являет мне воплощение самого зла, агрессии… Это такой чертовско-дьявольский лик, который приводит меня в ступор.

Я испугался, остолбенел и всё, ну прям леденящий, жуткий испуг…

А он всё смотрит и смотрит этим взглядом на меня, и мой страх не уходит. Немного затрясло, почти как наяву.

Картинка начинает размываться, и я снова улетаю в облака.

Там снова ничего не происходит: вроде те же облака, вроде всё белое… Хотя нет, я вижу туннель, и я вижу кого-то в нём.

Во мне просыпается желание догнать то, что вижу. И догоняю, и выясняю — это два неведомых мне человека, два близнеца. Оба с неприятными взглядами, как будто персонажи из фильма ужасов, но почему-то это меня не напугало. И тут же следом накручиваю себя, недоумевая: «Кто это, что это? Вообще, какого пола эти некто? Странно…»

И сразу после я снова спускаюсь на твёрдую землю.

Картинка третья

Мне снова лет одиннадцать—двенадцать. Я в своей деревне, где опять зима. Я смотрю в сторону другого соседского дома. Тихо. Никого нет рядом, я один.

Картинка отчетливая, но от мысли «зачем я здесь?» я улетаю снова на небо…

На небе как обычно — светло и бело.

Хотя нет — я вижу железнодорожные пути. Да это они, я иду по ним и в какой-то момент я, оказывается, спускался вниз.

И вот я уже на твёрдой земле…

Картинка четвёртая

Мне и тут лет двенадцать. Я стою у железнодорожных путей. Серость, какая-то неясность…

Вроде вижу поезд, да вроде это он, но я не уверен.

Вдруг я увидел льва. «Странно… Вообще, что это за место? Как в фильме про льва-людоеда», — такой вопрос и ответ лезут мне в голову.

Теперь я на какой-то станции. Я начинаю предполагать, что я то ли в Африке, то ли в США, в южном штате типа Техаса. По времени — примерно одна тысяча девятисотый год.

Гул поезда теперь совсем рядом. И вот я вижу поезд уже отчётливо. Впереди состава по виду — старый паровоз. Седые густые клубы приближающегося дыма вьются уже над перроном.

Я на перроне, в клетчатом пиджаке, круглой шляпе, за руку держу маленькую девочку в белом платье и небольшой шляпке. Определённо это моя младшая сестра, мы пришли кого-то встречать. Перрон нам кажется бесконечным каким-то, потому что мы идём по нему с сестрой, а он не заканчивается и не заканчивается, и поезд почему-то тоже двигается. Люди, багаж, суета…

Странные ощущения — просто кого-то ищем, но никак не найдём, и от этой мысли я снова улетаю в небо с облаками.

Я снова наверху, но ничего не происходит, никаких эмоций. И ворох мотивирующих установок валится на меня: «Я же должен как-то дойти до своих чувств. Я же должен осознать, почему во мне этот гнев и злость, с которыми мне нужно бороться, так как они мешают мне жить…»

Но ничего…

В этот момент облака вроде бы расходятся, я немного вижу землю…

И я снова спускаюсь туда, на твёрдую поверхность.

Картинка пятая

— Это горы, что ли? — у меня вопрос вопросов.

Непонятно… Всё расплывчато, опять вроде зима и снег.

— Точно! — меня осеняет. — Это горы, и я в горах.

Если точнее — я у подножия этих гор, на каком-то поле между гор, в долине. Я в оранжевом комбинезоне, на карачках ползу по снегу. Но мне хорошо: ясный день, яркое солнце, и я в горах.

Но… Только что мне было уютно, а теперь я устал, я очень устал…

С таким ощущением я ползу дальше. Мне жутко хочется отдохнуть.

«Ну почему? Сколько можно уставать, за что?» — стал выяснять сам у себя.

Наяву я заплакал, меня затрясло от бессилия: «Хватит! Я больше не могу, я устал…»

Я вижу себя и солнце над горами. Оно яркое, приветливое, но постепенно солнечное светило расплывается, и теперь я вижу закат.

С заходом солнца я начинаю возвышаться над этой картинкой и вижу себя как бы со стороны: я над горами, и теперь мне видится, что это Альпы.

Я отдаляюсь от гор ввысь, и я снова в небе с облаками. Опять всё вокруг белое, сплошные облака…

И тут я точно очнулся.

«Род»

Я смотрю на себя оценочно со стороны и вижу себя одиноким, унылым, склонившим голову от безысходности человечком. Вот он я — нахожусь где-то под землёй, в каких-то подвалах города, куда не попадает ни один луч света. Всё серое. Вокруг большое количество лестниц и лесенок, ощущается масса негатива и опустошённости.

Как бывает в такие депрессивные моменты, меня посещает философский вопрос-почемучка: «Почему я здесь, и почему я такой унылый? Чслучилось?» И следом я стараюсь сам же на него и ответить: «Ощущение, что я сам себя таким сделал из-за своей упёртости».

Я сижу на ступеньке одной из лестниц. Передо мной мама и папа, точнее, они у меня за спиной. Мою глубокую грусть выдаёт взгляд, а они стоят, не шевелятся, ничего не говорят, ничего не предпринимают. Просто стена безразличия, нет никаких эмоций. Обидно…

Далее события развиваются как в сказке.

Я проваливаюсь внутрь родителей, где-то на уровне живота. И попадаю в некое пространство, откуда очень хочу выбраться, но не могу. Я мечусь по всем сторонам в надежде найти выход, но у меня не выходит. Пространство серого цвета, мутное, как в городе, да ещё с какими-то тучами.

Теперь очень похоже на картинку с УЗИ[2], и даже более — стойкое ощущение, что я внутри мамы. Я рождаюсь, я хочу на свет, я должен и обязан выбраться, я всё ближе к свету… Это всё борьба за жизнь, в которой я обязан победить.

Меня унесло… Теперь я воин, эдакий древнерусский воин с мечом и щитом. Я величав, крупного размера, внутри чувствуется бесконечная непоколебимая сила. Чёткое ощущение, что я со своей армией смог добиться какого-то успеха на поле боя. Вокруг непонятные горы, почему-то алое небо.

Через мгновение я на одной из горных вершин, а внизу виден город с людьми. И хотя всё по-прежнему серое, всё равно чувствуется — это мой город, а я предводитель его жителей.

Меня перенесло в храм. Вернее, к нему. Передо мной храм без признаков конкретного вероисповедания, и я стою на коленях перед ним.

В этот момент я снова почувствовал, что сделал всё правильно: я должен был защитить мой народ. Они меня не просили, но я сам решил это сделать. Я защитил их от врагов и горжусь этим фактом искренне, по-мужски, без всяких лишних эмоций. Я чувствую в себе невероятные силы и готов дальше их применить. Чувствую и осознаю, что готов всегда к борьбе, защите и помощи. Такое осознание, что я пришёл из прошлой жизни с этими качествами.

Передо мной снова мама и папа, а я перед ними. Но на этот раз я не несчастный мальчик, а воин. Мы смотрим друг на друга. У меня непреодолимое желание их защитить, я сильнее их.

---

[2] УЗИ — ультразвуковое исследование.

Но в какой-то момент отец порывается уйти, и тогда я из воина превращаюсь в маленького грустного мальчика. Я не хочу, чтобы отец уходил, я плетусь за ним и умоляю сквозь плач: «Не уходи, папа!»

Мой папа останавливается, медленно поворачивается, держа какого-то младенца на руках. И очень похоже, что этот младенец — я. В глазах отца слёзы. У меня такое чувство, что он не смог что-то сделать по жизни, и это его мучает.

Я пытаюсь найти этому объяснение: «Да, он очень хотел заботиться обо мне, давать свою любовь, но не делал этого. Он очень хотел, но что-то его сдерживало, и он печален от этого». Я вдруг превращаюсь в оратора: «Я прощаю тебя, папа. Ты воспитывал как мог, как умел, точно также, как воспитывал тебя твой отец, я это понимаю. Ничего страшного не произошло. Ведь ты воспитал сына, который тоже уже стал папой!» Я указываю своей рукой на младенца у него в руках и завершаю краткую речь: «Смотри, какой у тебя прекрасный внук. Гордись им».

За спиной моего отца проглядывается силуэт его отца, моего деда. Дед бросает взгляд на своего правнука и снова прячется за спину отца, как будто стесняется внука. Странное поведение деда вызывает странное ощущение.

Подходит моя мама. Они с папой вдвоём смотрят на меня, по-родительски, по-наставнически. Мы вчетвером складываем ладонь на ладонь, сначала папа, потом мама, я и мой сын.

От этого действа я почувствовал прилив энергии и знаний, как будто за родителями выстроилось огромное родословное древо, по стволу, ветвям и листьям которого струится, сверкая, энергия вместе со знаниями, проходит через родителей и возвращается ко мне и сыну.

В какой-то момент у моего сына появляется его сын, мой внук, и ему достаётся часть этой родословной энергии.

«Мой отец и немного про маму и меня»

Я закрываю глаза и пробую представить отца. Почему-то сначала вспоминается его голос. Даже слов не разобрать, а голос уже слышно. Громкий, такой, что хочешь не хочешь, а слушаться надо.

И вот я опять маленький. Прислушиваюсь: «В каком он сегодня настроении, можно подойти или лучше пока не надо?» Вроде ничего ещё не произошло, а я уже насторожился.

Странно — при мыслях про отца мне в прошлом всегда хочется побыть взрослым, посмотреть спустя годы на всё спокойно.

Но стоит услышать этот голос, и спокойствие куда-то девается.

Я жду. Постепенно голос отдаляется, и одновременно передо мной появляется наша деревенская кухня. Зима. Мне лет шесть. Мы с мамой только вошли в дом, раздеваемся. На кухне тепло, печь топится. Тогда она нас и обогревала.

Мама рядом. С ней всё понятно: сейчас согреемся, она чем-нибудь накормит. Мама всегда заботилась о нас, помогала с уроками, ругала, когда было за что. В пять лет уже учила меня немецкому. Сколько всего она в меня вложила, я, конечно, тогда не понимал. Просто знал, что мама здесь и всё хорошо.

Посреди кухни сидит отец. Он что-то вытачивает из дерева. Я смотрю на его руки, пытаюсь разглядеть, что там получается. Он замечает меня, разворачивается и протягивает деревянный танк. Мне.

Я беру его, рассматриваю. Игрушек у нас особо не было, а тут — настоящий танк, который отец сам сделал. Мне очень приятно. Хочется и поиграть скорее, и ещё постоять рядом, посмотреть.

Отец ничего не объясняет. Поворачивается обратно и принимается за второй.

Есть такое выражение: тяжёлое детство. Когда это про игрушки, то это про деревянные игрушки, прибитые к полу. А я сейчас держу свою деревянную игрушку и не хочу ничего другого. Мне сейчас хорошо на этой кухне.

Пробую задержаться здесь подольше. Но…

Почему-то вместо танка у меня в руках оказывается книга. Ровно та же кухня, но я уже постарше. Вчера бабушка, папина мама, принесла книгу к нам и велела передать отцу, сказала, что она важная. Её название сейчас точно не помню — что-то о том, как бросить пить и как пьянство влияет на семью.

Я долго не решаюсь подойти. Хожу с этой книгой по кухне и всё выбираю момент. Мне кажется, что, если он её прочитает, что-нибудь изменится. И одновременно страшно: «А вдруг разозлится?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.